

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПСИХОТЕРАПЕВТОВ

И.А. Погодин

Институт Гештальта, Минск, Белоруссия

Говоря о профессиональной идентичности психотерапевтов, стоит отдельно остановиться на процессе легализации психотерапевтической профессии, имеющей также большое значение для формирования профессиональной идентичности.

Легализация психотерапии как профессии и идентичность. Разумеется, России, Беларуси и Украине нужен в будущем закон о психотерапии. В противном случае полноценной профессией психотерапии стать довольно трудно. Однако принятие закона о психотерапии следует рассматривать через призму процесса формирования интегрированного сообщества психотерапевтов, который первичен по отношению к любой процедуре формализации. Закон может и должен венчать этот процесс, т.е. оказаться его логичным продолжением. С этой точки зрения любые современные попытки преждевременной фасилитации этого процесса представляются нарциссическими потугами с целью узурпировать власть в рассматриваемой профессиональной области. Осуществленный в полной мере процесс легализации психотерапии до интеграции в сообществе психотерапевтов приведет лишь к росту напряжения и стагнации в профессии, что, безусловно, скажется на процессе профессиональной идентификации членов сообщества известной степенью деформации.

Поскольку идентичность – это образование личное, связанное с некоторым самоощущением человека, с результатом тестирования на соответствие самому себе (собственно говоря, стыд "самозванства" и возникает как реакция на несоответствие самому себе), а процесс профессиональной идентификации связан с многочисленными достаточно тяжело протекающими кризисами, время от времени возникает заметный соблазн избежать

их переживания посредством замены идентичности различными "протезами" в виде внешних ситуативных подтверждений – сертификатов, лицензий, формальным вступлением в какую-либо ассоциацию и т.д. Таким образом, ситуация дефицита самоощущения может способствовать его компенсации суррогатом формальной принадлежности. Естественно, что такое положение вещей является очень заманчивым для каких-либо формальных психотерапевтических структур и объединений, которые смогут инициировать процесс профессиональной легализации первыми. В этом случае инициаторы оказываются избавленными от необходимости трудного диалога с практикующими в стране специалистами и получают известный инструмент давления. Разумеется, это не сможет не сказаться на дезинтеграции внутри сообщества психотерапевтов. В заключение этого тезиса нужно отметить, что сегодня – в период интенсивного развития психотерапии в наших странах – мы как никогда ранее нуждаемся в диалоге как различных организаций внутри модальностей психотерапии, так и между самими модальностями, существующими на нашем пространстве. Формализация результатов этого диалога естественным образом приведет к легализации профессии с сохранением идентичности самих психотерапевтов.

Диалектика индивидуализма и лояльности психотерапевта. Далее следует немного подробнее остановиться на обсуждении особенностей делегирования власти в жизни психотерапевта вообще и в процессе развития его идентичности в частности. Профессия частнопрактикующего психотерапевта в большей степени напоминает деятельность свободного художника, бродячего музыканта или странствующего философа. Отсутствие жестких правил, творческий характер работы, ориентация на процесс делают психотерапию в некотором смысле маргинальной сферой жизни общества. При этом уникальность каждого практикующего специалиста, осознание и умение обращаться с ней во многом определяют успешность психотерапевта как профессионала. С другой стороны, несмотря на уникальность каждого специалиста, жизнь в профессиональном сообществе предполагает ориентацию каждого его члена на некоторые гласные и негласные правила, возникшие как результат творчества самого сообщества. В противном случае диалог специалистов

станет невозможным и, следовательно, с одной стороны, затормозится процесс развития психотерапии, с другой – обеднятся ресурсы, питающие профессиональную идентичность каждого психотерапевта. Таким образом, лояльность сообществу коллег также выступает необходимым фактором личного и профессионального развития. Именно в поле, определяемом сосуществованием двух на первый взгляд противоречивых тенденций и формируется идентичность профессионала. Поэтому индивидуализм и лояльность стоило бы рассматривать как необходимые условия этого процесса, в то время как феноменологию и динамику их взаимодействия – как достаточные.

Относительно способа регулирования жизни психотерапевтического сообщества следует отметить, что адекватной формой власти в этом процессе выступает анархия. Этот тезис, очевидно, нуждается в пояснении. Традиционно в качестве оптимальной формы власти, характеризующей развитые современные общества, рассматривают демократию. Однако демократия как власть большинства предполагает нивелирование ценности отличия людей. Анархия же подразумевает акцент именно на различиях, а также на уважении этих различий. В энциклопедическом словаре под понятием "анархизм" можно обнаружить определение "общественно-политического течения, которое выступает за немедленное уничтожение всякой государственной власти" [1]. Однако при внимательном прочтении текстов М.А. Бакунина [2] и, особенно, П.А. Кропоткина [3; 4] обнаруживаются дополнительные коннотации. И вот уже анархия предстает не как безвластие, а как власть каждого. Другими словами, и власть, и сопровождающая ее ответственность распределяются между всеми участниками того или иного сообщества, общества в целом. При этом распределяется не поровну, как при демократии, а всецело, т.е. вся власть за происходящее в моих отношениях с другим человеком (например, клиентом) принадлежит мне, равно и обратное – клиент в полной мере определяет развитие наших отношений. Парадоксальная с точки зрения математики пропорция выглядит следующим образом: в процессе терапии 100 % ответственности за происходящее принадлежит терапевту и 100 % ответственности принадлежит клиенту. То же парадоксальное соотношение характеризует и отношения внут-

ри малого сообщества (например, в семье или терапевтической группе) или общества в целом. Чем не описание диалога в философском [5] или психотерапевтическом понимании [6]?

Возвращаясь к теме взаимосвязи жизни сообщества и формирования идентичности, стоит резюмировать, что анархия как способ регулирования отношений в профессиональном сообществе предполагает взаимную помощь, уважение (в том числе личных границ) и признание членами сообщества друг друга. Акцент при этом ставится на процессе взаимодействия, в котором и происходит развитие профессиональной идентичности. Таким образом, профессиональная идентичность выступает текущим результатом¹ переговоров членов сообщества друг с другом на предмет своего профессионального самосознания.

Применительно к проблеме макродиалога между различными психотерапевтическими сообществами как внутри страны, так и на международном уровне использование рассматриваемого тезиса об анархии предполагает сохранение уникальности как локального психотерапевтического сообщества или обучающей организации с их стилевыми особенностями и теоретическими предпочтениями, так и национальных особенностей психотерапии в целом. Кроме того, этот тезис имеет значение и для диалога между сообществами психотерапевтов различных модальностей в целях поддержания "идентичности самой модальности", равно как и сохранения идентичности психотерапевта как представителя определенного направления психотерапии.

Методологическая целостность школы в противовес эклектике. В статье представляется весьма важным затронуть еще одну проблему, предлагаемое решение которой имеет дискуссионный характер. Речь пойдет об одной из базовых психотерапевтических дилемм: тенденция к эклектике, с одной стороны, и

¹ Я использую слово "текущим", поскольку этот процесс не заканчивается никогда, точнее, заканчивается лишь со смертью человека. По мнению М. Хайдеггера, ответ на вопрос "Кто Я" возможен лишь в момент остановки, в действии же человек не знает, кто он [7].

стремление к сохранению строгой методологии отдельного психотерапевтического подхода – с другой. Собственная позиция автора по отношению к этой проблеме заключается в защите мнения, что общей психотерапии не существует. Эта профессия слишком разнородна в спектре своих модальностей, чтобы предполагать их неконфликтное сосуществование в рамках единой терапевтической стратегии. Несмотря на очевидную в эпоху постмодерна общую тенденцию к эклектике видна попытка объединить и смешать такие своеобразные и внутренне богатые направления психотерапии как, например, гештальт-терапию и психоанализ, в качестве эффективного средства редукции и обеднения обоих направлений в этом процессе. Такого рода эклектичные тенденции часто имеют своим источником неглубокое освоение психотерапевтом хотя бы одного из направлений, изуверски подвергаемого редукции. И наоборот: развитие специалиста как представителя конкретной модальности психотерапии ведет, как правило, к обнаружению практически неисчерпаемых ресурсов, предоставляемых собственной непротиворечивой и последовательной методологией модальности. Таким образом, достойная профессиональная подготовка и, как следствие, высокая квалификация гештальт-терапевта (равно как и психоаналитика, когнитивно-бихевиорального, экзистенциального терапевта и т.д.) являются лучшим средством от чувства профессиональной неполноценности и стыда. В противном случае возникает тенденция избавиться от стыда и неполноценности посредством неразборчивого апеллирования к "психотерапевтическим костылям" других модальностей. В связи с этим стоит также отметить, что эклектичная тенденция, по большей части ненасыщаема, поскольку зачастую инициируется тревогой, возникшей в результате игнорирования описанного стыда.

Далее несколько слов о том, какое значение сказанное выше имеет для проблемы формирования профессиональной идентичности. По мнению автора, наиболее важную роль в процессе развития профессионального самосознания играет школа, к которой принадлежит психотерапевт. Базовые ценности и психо-

терапевтическое мировоззрение, выступающие ядром профессиональной идентичности, питаются именно конкретной школой¹. Эти фундаментальные конструкты оказываются различными, а порой даже и противоречащими в разных психотерапевтических модальностях. Так, аналитический детерминизм и гештальтистская индетерминистская феноменология несопоставимы и не могут не спровоцировать кризис профессиональной идентичности при условии честного отношения к профессии. То же самое имеет отношение и к диссонансу базового методического инструментария (применительно, например, к рассматриваемой бинарной оппозиции "психоанализ – гештальт-терапия" – интерпретация и перенос в противовес диалогу и присутствию). Список неинтегрируемых посылок различных психотерапевтических модальностей можно, разумеется, продолжить. При этом зачастую единственным выходом их "примирения" оказывается профессиональное лицемерие или безграничный методологический либерализм.

Что же мы можем ожидать в этом случае от процесса формирования идентичности?! "Человек без корней, без лица, без имени" – подходящие метафоры для диффузии профессиональной идентичности. Как известно, порожденный диффузией стыд нуждается или в проживании, или (что, естественно, проще) в избегании посредством все нового поглощения разнородных психотерапевтических знаний. При этом переживающий кризис психотерапевт приобретает компульсивную тенденцию к учебе, стараясь узнать о психотерапии все. Зачастую в этом процессе утрачивается какой-либо вкус, и человек становится неразборчивым в выборе и содержания обучения, и его формы. "Терапия" такого кризиса может опираться на восстановление чувствительности к динамике своего профессионального развития. В некотором смысле я бы сравнил психотерапевта, обладающего зрелой идентичностью, с гурманом, способным с одной стороны, к получению профессионального удовольствия, с другой – к

¹ Это еще одна причина, ставящая под сомнение целостность профессиональной идентичности эклектика.

отвращению как реакции на чрезмерность [8]. Возвращение к истокам и источникам идентичности в виде базовых ценностей и категорий школы выступает необходимым условием реанимации профессионального самосознания. В итоге появляется возможность произнести с уверенностью: "Я – гештальт-терапевт", "Я – психоаналитик", "Я – поведенческий терапевт", "Я – экзистенциальный терапевт" и т.д.

Литература

1. *Большой энциклопедический словарь*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Рос. энцикл.; СПб.: Норинт, 1998. 1456 с.
2. *Бакунин М.А.* Избранные философские сочинения и письма. М., 1987.
3. *Кропоткин П.А.* Нравственные начала анархизма. М., 1918.
4. *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь как фактор эволюции. М., 1918.
5. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
6. *Погодин И.А.* Близость как отношения на границе контакта // Вестник гештальт-терапии. Минск, 2008. Вып. 5. С. 42-51.
7. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. СПб.: Наука, 2002. 452 с.
8. *Перлз Ф.* Эго, голод и агрессия. М.: Смысл, 2000. 358 с.